

Б.М. Ляпунов

**Формы склонения в
старословянском языке**

1. Склонение имен

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Б11

Б11 **Б.М. Ляпунов**
Формы склонения в старославянском языке: 1. Склонение имен / Б.М. Ляпунов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 74 с.

ISBN 978-5-4241-8814-5

Формы склонения в старославянском языке. 1. Склонение имен.

ISBN 978-5-4241-8814-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ческими различіями было-бы весьма важно, а потому нельзя не одобрить поступка переводчиковъ 2-го изданія руководства Леонія, помѣстившихъ при русскомъ переводѣ 1890 г. дополненія по языку Остромирова Евангелія. Тѣмъ болѣе изслѣдованіе списковъ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и памятниковъ древняго состоянія различныхъ словянскихъ языковъ, произведенное съ должной критикой, соблюденіемъ исторической перспективы и привлеченіемъ къ сравненію формъ живыхъ языковъ, помогаетъ возстановить звуки и формы гипотетическаго прасловянскаго языка. Конечно, такое болѣе близкое къ истинѣ возстановленіе этого языка еще впередъ, когда будутъ изслѣдованы всѣ памятники и всѣ живые говоры; а пока наша задача сводится къ тому, чтобы дать научное объясненіе главнѣйшимъ уже извѣстнымъ фактамъ древнѣйшихъ памятниковъ старословянскаго языка.

Что касается частныхъ изложеній, замѣчу, что въ общемъ я придерживаюсь научной терминологіи акад. Фортунатова и, говоря о формахъ индоевропейскаго праязыка, употребляю условныя обозначенія *a*, *á* и т. п. для выраженія тѣхъ отгнѣковъ индоевропейскаго вокализма, которые въ новѣйшихъ трудахъ западныхъ лингвистовъ обозначаются какъ *e*, *o* и т. п. Но сравнительно съ прежними своими работами, въ которыхъ я вслѣдъ за акад. Фортунатовымъ и Шахматовымъ употреблялъ терминъ «общесловянскій языкъ» для обозначенія древнѣйшаго нераздѣльнаго общаго состоянія словянскихъ языковъ, предполагаемаго сравнительнымъ изученіемъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, — я вслѣдъ за проф. А. И. Томсономъ предпочитаю теперь употреблять терминъ «прасловянскій языкъ», воплотивъ соответствующій нѣмецкому «*ur-slavisch*» и точнѣе передающій понятіе о языкѣ—предкѣ. Это различеніе терминовъ «общесловянскій» и «прасловянскій» тѣмъ необходимѣе, что не всѣ «прасловянскія» явленія суть непременно «общесловянскія», такъ какъ и прасловянскій языкъ дѣлился на говоры, и наоборотъ—явленія, общія всѣмъ словянскимъ языкамъ, могутъ не быть прасловянскими, т. е. исконными, а возникать въ ихъ отдѣльной жизни.

Главнѣйшими пособиями при составленіи печатаемой теперь статьи мнѣ служили, кромѣ грамматикъ Лескина, Миклошича и Вондрака, сочин. Лескина «Die Declination im slavisch-litauischen und germanischen» (Leipzig 1876, цит. Leskien Decl.), статьи и лекція акад. Фортунатова различныхъ годовъ по фонетикѣ старословянскаго языка и сравнительной фонетикѣ и морфологіи индоевропейскихъ языковъ¹⁾, изслѣдованія академика И. В. Ягича, «Kurze vergleichende Grammatik» (1903) Бругмана (цитирую К. Vgl. Gr.), отдѣльныя статьи проф. Р. Э. Брандта, Гирта, Штрейтберга, Педерсена и другихъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (Р. Ф. В.), Archiv f. slav. Philologie, Indogermanische Forschungen (I. F.) и журналахъ Куна «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen» (K. Z.) и Беценбергера «Beiträge» и проч. (B. V.).

А. Склоненіе именъ.

Слѣдуетъ различать основы по окончанію ихъ на гласные и согласные звуки, къ которымъ присоединялись падежные суффиксы. Опредѣлять эти падежные суффиксы мы будемъ аналитически, помощію разсмотрѣнія отдѣльныхъ типовъ склоненія старословянскихъ именъ и сравненія ихъ съ соответствующими родственныхъ языковъ.

I. Склоненіе основъ на $\acute{a}$ = праслов. *o* мужскаго и средняго рода.

Въ формахъ именит. ед. ч. мужск. р. ст. слов. *rabъ*, *elъkъ*—*elъkъ* (др. рус. *elъkъ*—русск. *волкъ*) при сравненіи съ литовск. *vilkas*, др. инд. *vṛkas*, греч. *λόκος*, лат. *lupus*, мы видимъ окончаніе *ъ*, которое, въ отличіе отъ мнѣній Лескина (Decl. 3—4), Миклошича (Vergl. Gram. I, 82), недавно проф. В. А. Богородицкаго (Склоненіе въ аrio-европейскихъ языкахъ, Казань, 1902, 9—10), выводившихъ его изъ окончанія вин. ед. $\acute{a}t$ (*āt*, *ot*), возможно выводить изъ оконч. $\acute{a}s$ (=греч. *os*,

¹⁾ Въ особенности пользуюсь курсомъ лекцій по сравнительному склоненію 1897 г., доставленіемъ смысла котораго я обязанъ одному изъ своихъ слушателей въ Харьковскомъ университетѣ М. И. Когену.

лит. и др. инд. *as*, лат. *us*), согласно старымъ мнѣнiямъ Боппа, Шлейхера, а въ новѣйшее время Видеманна (*Osk. Wiedemann, Das litauische Präteritum*, 1889, s. 14, сноска), Фортунатова (Лекціи по ц. слав. яз. изд. 1884—1885 г., с. 226, печ. изд. 1888 г., с. 182), Объ ударенiи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ, с. 15, Р. Ф. В. 1895 г.), Бернекера (*K. Z.* 37, 370), Педерсена (*K. Z.* 1902, XVIII, 321), принятымъ и въ сокращенной сравнительной грамматикѣ Бругмана (*K. Vrgl. Gr.* 376, § 454, сноска 1); Педерсенъ справедливо возразилъ Гирту, выставившему законъ: *os* и *om* подъ ударенiемъ = *o*, безъ ударенiя = *s* (*J. F.* II, 344), охотно принятый между прочимъ Вондракомъ въ его «*Altkirchenslavische Grammatik*», с. 82, но Фортунатовъ высказывалъ свой законъ (*o* и *od* : слов. *o*, *os* и *om* : слов. *s*) въ своихъ курсахъ много лѣтъ раньше закона Гирта, прежде чѣмъ наконецъ его мнѣнiе появилось въ печати на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Естественно предположить, что въ извѣстную эпоху жизни праслов. языка, когда всѣ мгновенные согласные уже отпали въ концѣ словъ, что совершилось еще въ эпоху балтійско-славянскую, *ō* въ закрытомъ конечномъ слогѣ (передъ длительными согласными *s*, *r*, *n*, *m*) становилось очень закрытымъ и измѣнялось въ *ū*, которое, какъ и всякое *ū*, давало прасловянской иррациональный звукъ *s*, являвшійся въ слѣдующую эпоху, по отпаденiи и длительныхъ согласныхъ въ концѣ, завершителемъ слова. Такимъ образомъ, подобно латинскому *ūs* изъ *ōs* у насъ получилось *s*, возникшее изъ сочетанiя конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ имен. ед. *s*, такъ какъ изъ открытаго *ō* у насъ не получилось бы *s*.¹⁾ Здѣсь не мѣшаетъ оговорить, что встрѣчающіеся въ Зограѣскомъ, Маринскомъ и другихъ памяти. формы именит. ед. на *o* вмѣсто *s* передъ слѣдующими энклитиками *тѣ*, *сѣ* (народось, работѣ, плодовѣ, *Leskien* § 17) никоимъ образомъ не могутъ считаться доказательствомъ существованiя въ старослов. яз. древней формы имен. ед. на *ō*, какъ это думали нѣкогда Гейтлеръ и Р. Ф. Брандтъ (*Р. Ф. В.* 1883, IX, 221): нельзя сомнѣваться, что здѣсь *o* изъ *s* передъ слѣдую-

¹⁾ Обратнo и очень неложно понимаетъ дѣло А. Я. Погодинъ («Слѣды корней—основъ въ слав. языкахъ», 211).

щимъ слогомъ съ ирраціональнымъ гласнымъ, что ясно изъ примѣра можетъ съ Мар. Jo. VI, 52 (Ягичъ, Мар. Ев., 430). И такъ, форма имен. ед. ч. мужскихъ основъ на *o* слилась на словянско́й почвѣ съ формою вин. ед., гдѣ конечное *z*, какъ признается всѣми лингвистами, отражаетъ конечное индоевропейское *ám* (греч.—*ov*, лат.—*um*, др. инд.—*am*, лит.—*a*), въ которомъ также заключается сочетаніе конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ винит. ед. *m*. Только Гиртъ, какъ сказано, и здѣсь примѣнялъ свое условіе неударяемости.

Что касается формы имен. вин. ед. основъ на *á* средняго рода, то здѣсь общесловянское *o* такихъ словъ, какъ старослов. *ио*, *село* и т. п., представляетъ повидимому окончаніе, заимствованное у мѣстоименій, а именно подъ вліяніемъ формы им. вин. ср. р. то изъ и. европ. * *tád* (сравни. лат. *istud* изъ * *istod*, др. инд. *tad*), какъ это принимаетъ и Бругманъ (K. Vrgl. Gr. § 460, с. 380), такъ какъ изъ индоевроп. *ám* въ концѣ словъ, наслѣдіе котораго мы имѣемъ въ языкахъ др. индійскомъ (*yugám*), греческомъ (*ζυγόν*), латинскомъ (*jugum*), мы получили бы *z*, какъ и въ формахъ им. вин. муж. р.

Въ формахъ род. ед. ст. слов. *волка* (*волка*), *села* муж. и средн. р. общесловянское *a* могло бы отражать окончанія двухъ падежныхъ формъ индоевропейскаго праязыка—1) собственно стараго родит. и 2) отложительнаго или отдѣлительнаго (аблатива), можетъ быть, сохраняющихъ до сихъ поръ слѣдъ въ отбѣнкахъ значенія такъ называемой формы родит. пад. въ словянскихъ языкахъ. Выраженія «голова *волка*» и «бѣжать *отъ* *волка*» до сихъ поръ въ русскомъ яз., какъ подобныя же въ старословянскомъ и другихъ словянскихъ яз, иллюстрируютъ исконную разницу двухъ падежныхъ формъ. Большинство лингвистовъ именно въ формѣ аблатива и лишь въ ней видятъ источникъ нашей формы род. ед. на *a* основъ муж. и ср. р. на *o* (см. Brugmann, K. Vrgl. Gr., II, 1903, § 462 и 463, с. 382 и 383, также § 531, примѣч. на стр. 421), какъ будто ова представляетъ менѣе затрудненій или даже вполне ясна въ фонетическомъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что, считая формы род. ед. на *a* настоящими формами род. ед. вслѣдъ за Фортунатовымъ, мы не дѣлаемъ

никакой натяжки въ фонетическомъ отношеніи. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію гипотезы Фортунатова, выраженной имъ печатно въ Рус. Ф. В. 1895 г., с. 266, но задолго до того высказывавшейся въ многочисленныхъ литографированныхъ курсахъ 70—80-хъ годовъ минувшаго столѣтія и въ печатномъ, хотя и не выпущенномъ въ свѣтъ курсѣ старослов. языка 1888 г., я долженъ напомнить, что мысль исвать въ нашей формѣ индоевропейскую форму родит. пад. была нечужда и Шлейхеру еще въ 1852 г. (*Compendium* ², 543, *Formenlehre des kirchenslavischen Sprache*, с. 234—235). Но если Шлейхеръ, сопоставляя стар. слов. *вѣлка* съ др. инд. *v'kasya*, хотѣлъ непременно при помощи фонетическихъ натяжекъ вывести праславянское *a* изъ *asja*, то онъ вызвалъ справедливое возраженіе со стороны Лескина (*Decl.* 30—31). Иначе поступилъ Фортунатовъ. Онъ предполагаетъ въ индоевроп. праязыкѣ рядомъ съ суффиксомъ *sia* суффиксъ *ia*, указаніе на который онъ видитъ и въ греческой формѣ аттич. *λόχοσ* = дорич. *λόχω* изъ болѣе древней *λόχοσ*, представляющей по его мнѣнію правильное исчезновеніе *i* между гласными и отличной отъ гомеровской *λόχοσ*¹⁾, въ которой — *οσ* изъ — *οσιο*. Предположеніе Фортунатова суффиксальныхъ дублетовъ съ *s* и безъ *s* получаетъ подтвержденіе во многихъ другихъ случаяхъ: др. индійскому — *stān* въ окончаніи мѣстнаго ед. ч. *taṣtān* соответствуетъ нашемъ *ъ* въ томъ, *stāi* въ оконч. дат. ед. = нашему — *моу*, въ суффиксѣ род. мн. мы имѣемъ при *āt* въ именахъ — *sāt* (Бругманъ, К. V. Gr. § 508, — *sāt*) въ мѣстоименіяхъ, въ суффиксѣ 2-го л ед. ч. настоящего времени индоевропейскіе языки свидѣтельствуютъ о вариантахъ

¹⁾ Иначе объясняетъ эти формы Бругманъ, К. *Vgl. Gr.* § 462, с. 382: онъ во всѣхъ греческихъ формахъ одинаково видитъ суффиксъ — *sio*. Между тѣмъ Богородицкій правильно различаетъ въ греческихъ формахъ суффиксы — *io* въ *λόχοσ* и т. п. и — *sio* въ *λόχοσ* (Силопеніе въ ар.-евр. яз., с. 30—31), при чемъ онъ напоминаетъ, что различіе — *io* и — *sio* сдѣлано еще Бенеемъ въ 1874 г. (*Göttingen. Abhandl. der Ges. der Wiss.* XIX).

-зі и -і (последнее въ литовскомъ, греческомъ, частію въ старославянскомъ). Такимъ образомъ, наша форма род. ед. на *a* по Фортунатову отражаетъ индоевроп.— $\overset{\circ}{a}i\overset{\circ}{a}$, въ которомъ первое $\overset{\circ}{a}$ —праслов. *o* есть конечный гласный основы, сочетание же $\overset{\circ}{i}\overset{\circ}{a}$ —*io* есть суффиксъ род. ед.; тотъ же суффиксъ $\overset{\circ}{i}\overset{\circ}{a}$ предполагается не только греч., но и лит. формою *vīko*, въ которой *o* получилось изъ прабалтійск. $\overset{\circ}{a}$, а последнее изъ балт.-слов. $\overset{\circ}{a}+\overset{\circ}{a}$, между которыми исчезъ *i*; общеслов. (праслов.) *a* получилось совершенно такъ же изъ праславянскаго $\overset{\circ}{a}$, которое изъ $\overset{\circ}{a}+\overset{\circ}{a}$, между которыми *i* исчезло въ положеніи послѣ ударенія; соотвѣтствіе словянскому *a* литовскаго *o*, отражающаго обычно $\overset{\circ}{a}$, между тѣмъ какъ изъ индоевроп. $\overset{\circ}{a}$ въ литовскомъ *ū* ¹⁾, понятно лишь при условіи, что стяженіе $\overset{\circ}{a}+\overset{\circ}{a}$ совершилось уже по выдѣленіи, но вѣроятно еще до раздѣленія балтійско-славянской вѣтви: изъ $\overset{\circ}{a}i\overset{\circ}{a}$ получилось на балтійско-славянской почвѣ по исчезновеніи *i* между гласными $\overset{\circ}{a}+\overset{\circ}{a}$ — $\overset{\circ}{a}$, откуда на славянской почвѣ— $\overset{\circ}{a}$, на литовской—*o*. И такъ, нѣтъ никакой необходимости отказываться отъ признанія въ нашей формѣ наслѣдницы старой формы род. ед. Съ другой стороны признаніе въ ней старой формы аблатива представляетъ нѣкоторыя затрудненія, несмотря на то, что это исповѣдывалось и исповѣдывается до сихъ поръ едва ли не большинствомъ лингвистовъ ²⁾. Дѣло

¹⁾ Впрочемъ сравн. Chr. Bartholomae (J. F. I, 303—305), принимающаго для праязыка два *o*: $\overset{\circ}{a}$ и *o* и соотвѣтственно $\overset{\circ}{a}$ и $\overset{\circ}{o}$ (Фортунатовъ черезъ $\overset{\circ}{a}$, $\overset{\circ}{o}$ означаетъ вообще то, что западные лингвисты означаютъ черезъ *o*, *ō*); по его мнѣнію, одно долгое *o* болѣе открытое=лит. *o*, другое—закрытое=лит. *o*.

²⁾ Leskien, Declin. (1876 г.) 34, 37; Бодуэн-д-Куртене, Изъ лекцій по латинской фонетикѣ (Воронежъ, 1893), с. 350; Миклошичъ, Vergl. Gr. I, (1879), 109; H. Hirt, J. F. I, 5, 24; Chr. Bartholomae, J. F. I, 305; H. Pedersen, Die Nasalpräsentia und der slav. Akzent, §§ 29 и 96 (K. Z. 1902, XVIII, с. 323 и 404); Ботородицкій, Склоненіе въ аrio-европ. языкахъ (Казань, 1902), с. 36—37; Brugmann, K. Vergl. Gr. II (1903) L., § 462—463, с. 382—383.

въ томъ, что обыкновенно принимается для индоевропейской формы аблатива основъ на $\overset{\circ}{a}$ (=o) окончание $-\overset{\circ}{ad}$ (т. е. $-\overset{\circ}{od}$, какъ обозначаютъ западные лингвисты), въ которомъ предполагается слияніе конечнаго гласнаго основы $-\overset{\circ}{a}$ (=o) съ падежнымъ суффиксомъ $-ad$ (съ a неизвѣстнаго ¹⁾ качества и количества по Фортунатову). Такое $-\overset{\circ}{ad} = \overset{\circ}{od}$ принимается главнымъ образомъ на основаніи латинской формы аблатива на $\overset{\circ}{od}$ (*Gnauvōd* = позднѣйш. *Gnaeō*). Но если не принять мнѣнія *Малова* (*Mahlow*, *Die langen Vokale* 130 ff.), къ которому присоединились *Гиртс* (*J. F. I*, 1892 г., с. 24) и *Педерсенъ* (*K. Z.* 1902 г., XVIII, с. 323 и 404), что здѣсь мы должны предположить и. е. $\overset{\circ}{ad}$ (= $\overset{\circ}{ad}$), и что латинское $-\overset{\circ}{od}$ есть, какъ говоритъ Педерсенъ, легко понятное образованіе по аналогіи (*ibid.* 404), то является затрудненіе выводить какъ словянскую, такъ и литовскую *vīlko* изъ формы и. е. аблатива, такъ какъ, по отпаденіи въ прабалтійскословянскую эпоху конечнаго d , изъ конечнаго $\overset{\circ}{o}$ съ прерывистымъ качествомъ долготы («mit geschleifter intonation») получилось бы въ литовскомъ $\overset{\circ}{u}$, въ ст. словянскомъ $\overset{\circ}{z}$ (сравни *акшѣ* и *камѣ* съ лат. *homō* въ отличіе отъ греческихъ *ἀρχήν*, *ἄξιον*, указывающихъ на и. е. окончаніе $\overset{\circ}{an}$ съ длительнымъ качествомъ долготы, см. лекціи Фортунатова по сравнит. фонетикѣ и. е. языковъ 1901—1902 г., с. 31—32). Но такъ какъ мнѣніе объ и. е. $-\overset{\circ}{ad}$ въ окончаніи формъ отложит. пад. ед. ч. основъ на $\overset{\circ}{a}$, предполагающее въ суффиксѣ этого падежа $\overset{\circ}{ad}$, а не $\overset{\circ}{ad}$ или $\overset{\circ}{ad}$ и затѣмъ стяженіе $\overset{\circ}{a} + \overset{\circ}{a}$ именно въ $\overset{\circ}{a}$, а не $\overset{\circ}{ā}$, мало вѣроятно²⁾ и во всякомъ случаѣ не доказано и принимается только въ угоду разбираемымъ нами литовской и сло-

¹⁾ Смотрите въ курсѣ 1901—1902 г. «Сравнительной фонетики», с. 40.

²⁾ См. Brugmann, *K. Vgl. Gr.* § 463, сноска 1; Фортунатовъ, хотя и не опредѣляетъ качества гласнаго суффикса, но въ результатъ стяженія съ конечнымъ гласнымъ основы $\overset{\circ}{a}$ гласнаго $\overset{\circ}{a}$ суффикса все таки видитъ $\overset{\circ}{ā}$ (Сравни фонетика 1901/2 г., с. 40).

вянской формамъ род. ед., которые изслѣдователи желаютъ непременно вывести изъ формы и. е. аблатива, то пока нѣтъ возможности говорить и о томъ, что праславянская форма вѣка отражаетъ формы двухъ падежей, а приходится, вопреки Лескину, Бругману и другимъ лингвистамъ, говорить, что древняя форма род. ед. основъ на -ā приняла у насъ наоборотъ функцію не только роиат., но и отложительнаго пад.,—подобно тому, какъ это случилось съ формами род. ед. другихъ основъ еще въ индоевроп. эпоху (Brugmann, K. Vgl. Gr. § 463, с. 382). Только въ томъ случаѣ, если мнѣніе Бартоломе о двухъ праязычныхъ *o* и *ō* и о соответствіи литовскаго *o* не только праязычному *ā*, но и праязычному *ō* известнаго качества будетъ доказано, можно будетъ со спокойной совѣстью принять мнѣніе о томъ, что праславянская форма на *a* = лит. *o* есть форма отлож. пад. Но тогда я съ удовольствіемъ отмѣтилъ бы въ ней интересный фактъ совпаденія двухъ индоевроп. падежныхъ формъ, ибо мнѣніе Фортунатова о томъ, что мы здѣсь имѣемъ настоящую форму родит. п., еще не опровергнуто, и возраженія противъ него¹⁾ нельзя назвать убѣдительными, такъ какъ авторъ ихъ указываетъ на невозможность допущенія исчезновенія «междугласнаго» *i* въ «общеславянскія времена», между тѣмъ какъ мы предполагаемъ, что *i* исчезъ здѣсь (между гласными) еще ранѣе—въ эпоху балтійско-славянскую, а на почвѣ отдѣльной жизни славянской вѣтви языковъ произошло уже смѣшеніе въ одномъ звукѣ старыхъ *j* и *i* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *i* не исчезъ ранѣе²⁾.

Много труда доставило изслѣдователямъ объясненіе формъ дат. ед. основъ на ā. Лескинъ (Declin. 57—58) написалъ нѣсколько страницъ, стараясь выяснитъ происхожденіе нашего—*ou* (*y*) въ ст. слов. е. *вѣкоу, селоу* = рус. *волку, селу*, но все-

¹⁾ В. А. Богородицкій, Силоченіе въ аrio-европейскихъ яз., 36.

²⁾ Фортунатовъ, Сравнительная фонетика индоевроп. яз. (1901—2 г.), с. 275. Шехжатовъ, Изслѣдованія въ области русск. фонетики, с. 6—7.

таки объясненіе имъ этихъ формъ, какъ формъ мѣстнаго ед. основъ на *й*, насъ не удовлетворяетъ и страдаетъ большими натяжками. Также нельзя одобрить и позднѣйшихъ мнѣній¹⁾ Бартоломе, Гирта и Штрейтберга, что здѣсь мы имѣемъ какое-то особое образованіе мѣстн. п. съ суффиксомъ - *и*, которое они видятъ въ греч. нарѣчіяхъ *оѵ*, *коѵ*, *ѳоѵ* и т. п. и ст. слов. *ѣрѣхоу*, *ѳолоу* и т. п., такъ какъ и это представляетъ натяжку, если не въ фонетическомъ, то въ семасіологическомъ отношеніи; то же слѣдуетъ сказать и о попыткѣ сблизить нашу форму съ др. в. нѣм. творит. *wolfu*, выводя её изъ - *ѳи*²⁾. Съ другой стороны можно пожалѣть, что изслѣдователи такъ рано отказались отъ естественнаго сближенія съ соответствующими формами дат. ед. основъ на - *а̇* въ греческомъ, др. индійскомъ и латинскомъ яз. Такое сближеніе и привело Фортунатова къ единственно вѣрному на мой взглядъ объясненію, теперь принимаемому и нѣкоторыми изъ западныхъ лингвистовъ³⁾. А именно въ ст. слав. - *оу*, рус. - *у*, праслав. - *ѳ* формы дат. ед. разбираемыхъ основъ нужно видѣть правильное фонетическое развитіе индоевроп. диэтонга - *а̇і̇*, въ которомъ является сліяніе конечнаго гласнаго основы - *а̇* съ суффиксомъ дат. ед. - *аі̇* или *ѣі̇*, который, какъ увидимъ, ясно обнаруживается въ склоненіи основъ на согласные звуки, при чемъ сліяніе должно быть отнесено ко времени индоевроп. праязыка, какъ это видно изъ формъ др. инд. — *а̇і̇* (только въ мѣстоименіяхъ — *taṡmāi* = *тому*, а въ именахъ новообразованіе — *āya*), греч. — *φ*, лат. *ѳ*, литовск. — *иі̇* (*lūφ*, *lūrѳ*, *vīlki*). Древностью сліяніе объясняется прерывистое качество долготы («schleifender Ton», по выраженію западныхъ лингви-

¹⁾ J. F. I, 30, 31, 289.

²⁾ Brugmann, Kurze vergl Gr. § 465, с. 383.

³⁾ Pedersen, K. Z. (XX)XVIII, с. 324—325, справедливо возражаетъ Штрейтбергу, отрицающему возможность выводить — *оу* ст. слов. языка изъ и. е. *а̇і̇*. Также Вондрагъ выводитъ *оу* изъ *ѳі̇*, хотя для оправданія этого допускаетъ лишніа натяжки, смѣшанная окончанія — *оу* и *ы* (Altkirchensl. Gram., 51).

ство). Между тѣмъ какъ въ латинскомъ, а позднѣе и въ греческомъ яз. въ данномъ диетонгѣ—*ōi* (язъ и. евр.—*ōi*) совершилось полное преобладаніе первой слоговой части и исчезновеніе второй неслоговой, въ балтійско-славянской вѣтви произошло частію замѣненіе первой части при сохраненіи второй, частію замѣненіе диетонга путемъ ассимиляціи второго элемента первому. Изъ балтійско-славянскаго - *ōi* съ прерыв. долготой въ литовскомъ получилось - *ūi* и дажѣ по сокращеніи въ конечномъ слогѣ *ū*—диетонгъ - *ui* съ восходящимъ тономъ, что ясно изъ ударяемаго - *ui* въ нарѣчій *raikiū* «послѣ» (I. F. I, 262). Но тѣ же лингвисты, которые соглашаются видѣть въ литовской формѣ наследіе индоевропейской на *ōi*, все еще затрудняются (Гиртъ, Штрейтбергъ) признать таковое въ формѣ славянской, что однако напрашивается само собою. Ходъ измѣненія—*ōi* на славянской почвѣ могъ быть таковъ: — *ōi*—>*ōū*—>*ūi*—>*ūi*, откуда *ū*, старослов. *ou*, какъ изъ всякаго диетонга *ōū* (Фортуатовъ, Сравни. фонетика, изд. 1901/2 г., с. 171—172), или, какъ предполагаетъ Педерсенъ (K. Z. XXXVIII, 325),—>*ūi*—>*ūi*, откуда *ūi* черезъ посредство или *ūi* (диссимиляція до сокращенія), или *ūi* (сокращеніе до диссимиляціи), а изъ *ūi*, какъ сказано, праслов. *ū*, *u*, ст. сл. *ou*.

Въ е. творит. ед. мы имѣемъ вѣкомъ, гдѣ является сочетаніе основы на *ā = ō* съ суффиксомъ — *мь*, известнымъ въ формахъ склоненія лишь языкамъ балтійско-славянской и германской вѣтвей (Brugmann, K. Vergl. Gr. II, § 469). Старославянскій яз. въ большинствѣ памятниковъ имѣетъ гласный *o* передъ *мь*, въ согласіи съ языками сербскимъ и словѣнскимъ (вѣкомъ, гѣботъ и т. п.)¹. Въ Маринск., Ассеман., Клоц., Саввин. кн., листахъ Ундольскаго только — *омь* (или *омъ*, Е. О. Барскій, Листки Ундольскаго, Спб. 1904, с. 25), въ Зографск. 4

¹) *Флоринскій*, Лекціи по слав. яз. I, 294, 453, *Oblak*, Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen, Leipzig 1890, с. 57.